

Все приведенные выше примеры неточностей и недочетов никак не снижают высокой оценки рецензируемого труда. Я позволил себе столь подробно остановиться на них в надежде, что они могут быть учтены редакционной коллегией при продолжении этой актуальной работы. А в том, что она должна быть продолжена, у меня нет никаких сомнений. Даже само название обязывает: «Первая треть XX в.». Хочется надеяться, что продолжение не заставит себя долго ждать. Организаторы и исполнители этого значительного труда уже убедительно доказали, что они с этой задачей успешно справятся.

А.М. Решетов

© 2000 г., ЭО, № 1

The Third Wave of Modernization in Latin America. Cultural Perspectives on Neoliberalism / Ed. L. Phillips. XXIV. Wilmington, 1998. 200 p.

Для российского этнографа книга о третьей волне модернизации в Латинской Америке интересна тем, что показывает, насколько широко простерлось поле интересов зарубежных коллег. Не менее любопытно и то, что в ней можно найти массу параллелей с нашим собственным опытом переживания попыток реализации идей неоллиберализма.

Как видно из названия книги, политика неоллиберализма, проводимая в настоящее время в разных странах Латинской Америки, рассматривается как одна из череды попыток модернизации латиноамериканских экономик и обществ. Она достаточно условно определена как третья волна, при этом первая отнесена еще ко времени введения в Америке колониального порядка испанцами.

Книга состоит из трех блоков тем. В первом – «Изменяющаяся сельская жизнь» – содержатся статьи на следующие темы: реакция мексиканских крестьян-индейцев на проводимую модернизацию, соотношение между экономическим развитием и производством кокаина в Боливии, участие общинников-мая Гватемалы в современном производстве. Во второй группе статей – «Трансформирующееся городское предпринимательство» – представлены женщины-торговки перуанской столицы, динамика финансирования мелкого бизнеса в Боливии, неоллиберальные меры в послереволюционной Никарагуа. В третьей – «Перестраивающееся общество и природа» – рассматривается роль классового фактора в забастовке учителей в боливийском городе, динамичные изменения в народной медицине на северо-западе Аргентины, сравнивается реакция городского и сельского населения одной из провинций Мексики (Кампече) на экологические проблемы и, наконец, изучается влияние экологического мышления на борьбу обитателей бразильской Амазонии за свои интересы. В книге есть введение ответственного редактора Лин Филлипс «Неоллиберализм в Латинской Америке» и ее же заключение «Антропология в век неоллиберализма». Большая часть авторов – из североамериканских университетов.

Л. Филлипс представляет различные точки зрения (как положительные, так и критические) на роль попыток модернизации в истории Латинской Америки. Что касается неоллиберализма, то, как написала Л. Филлипс, последний в книге не рассматривается ни как логический успех сегодняшней глобальной экономики, ни как неизбежный путь, которому должна следовать Латинская Америка. Он понимается как политическая идеология, реализация которой различается географически и исторически. Почему она стала воплощаться в Латинской Америке – предмет спора. Некоторые исследователи, резюмирует Л. Филлипс, видят в неоллиберализме лекарство от современного экономического кризиса, другие рассматривают его как симптом кризиса, а третьи – как причину (с. XII–XVI).

Рост неоллиберализма как идеологии мировой элиты предлагается понимать в контексте унификации мировых рынков, транснационализации капиталистической экономики и конца биполярности мирового сообщества, в силу чего укрепился образ капитализма как единственно возможного выбора для человечества. В Латинской Америке неоллиберальный «рецепт» стал широко известен к началу 1990-х годов и включал в себя серию мер, направленных на финансовую стабилизацию и структурную перестройку экономики, где государство лишалось решающей роли, а прежде защищенные национальные рынки открывались транснациональному капиталу. Однако реализация неоллиберальной политики имела для разных стран Латинской Америки неодинаковые последствия.

Что касается специфического вклада антропологии в понимание «третьей волны» модернизации в Латинской Америке, то Л. Филлипс, исходя из представленных в книге материалов, склоняется к тому, что

микроуровневый подход, который она называет краеугольным камнем классической антропологии, все еще существен для развенчания лжи о бюрократической модернизации, изучения повседневной жизни бедных людей и предоставления людям возможности сказать о своей жизни. Как считает Л. Филлипс, антропология с ее методологической и теоретической силой может лучше других социальных наук служить для понимания трудных отношений между латиноамериканцами и неолиберализмом (с. 196–197).

Целью книги провозглашено предоставить основания для критики нынешних глобальных процессов. Есть и другая, более конкретная задача: дать студентам возможность увидеть, как антропологи реагируют на массовые изменения, переживаемые латиноамериканцами во имя неолиберализма, и обрисовать контуры и противоречия латиноамериканской современности. Кроме того, редактор надеется, что очерки вносят своевременный и ценный вклад в дебаты о «третьей волне» модернизации и способны, таким образом, продвинуть развитие альтернативных идей о трансформации будущего (с. XII, XIX, XX–XXI).

Большая часть поставленных в книге целей достигнута. В ней содержится достаточно материалов, чтобы критически оценить последние попытки модернизации в разных странах Латинской Америки. Очевидно также, что эта оценка со стороны антропологов-латиноамериканистов заметно различается. Однако представление о ситуации в Латинской Америке в целом вынести из книги не удастся, так как в ней содержатся материалы не из всех частей континента. В частности, было бы интересно учесть опыт Кубы, где попытки модернизации имеют экстравагантные формы и драматические результаты.

И последнее: если антропологи берутся изучать формы и результаты модернизации (сейчас в облике неолиберализма), они, видимо, должны задаться вопросом (и участвовать в ответе на него), *для кого* она проводилась и проводится, *кому* нужна (выгодна). Он из той же серии вопросов, что и «для кого стало прогрессом открытие Америки?», «для кого является прогрессом прокладка нефтепровода (постройка плотины, дороги и т.д.) на территории того или иного аборигенного этноса?» и т.д.

Э.Г. Александренков